

18+

Ангелина Ильина

«Искушённая бесами, или Тень князя»

<https://litres.ru/74163374>

SelfPub; 2026

Аннотация

Агафья была обычной деревенской травницей, пока её дар видеть ауры не стал приговором. Оклеветанная и преданная, она сгорела на костре. Но смерть оказалась лишь началом.

Отвергнув лицемерный Свет, Агафья попадает в мир падших. Вместо ужасов Ада она находит уютную таверну, где рогатые демоны пьют рагу, а Марта-арахне печёт самые вкусные пироги. И Его — мрачного Хозяина таверны Корнелиуса, чья боль длится уже триста лет.

Здесь, среди «чудищ», Агафья обретает настоящий дом. Но тени прошлого не отпускают, и чтобы защитить своих новых друзей и любимого, ей придётся раскрыть силу, способную соединить свет и тьму.

Атмосферное тёмное фэнтези с уютной атмосферой, романтикой и сильной героиней. История о том, что настоящие чудища иногда носят человеческие лица, а демоны способны на искреннюю любовь.

Ангелина Ильина

«Искушённая бесами, или Тень князя»

«Искушённая бесами, или Тень князя»

Глава 1. Дочь леса

Я всегда знала, что мир пахнет по-разному.

Для других это был просто воздух — сырой после дождя, пыльный летом, колючий зимой. Для меня же мир состоял из слоёв запахов, которые я могла читать, как открытую книгу. Как отец учил меня читать буквы, когда мне было пять и я сидела у него на коленях, водя пальцем по выцветшим страницам его старой книги.

Запах страха пах кислым молоком и старым потом. Запах лжи — приторной мятой и гнилью. А запах правды... правда пахла мокрой землёй после грозы и холодной сталью.

Мать, Клавдия, говорила, что я выдумываю. Что у меня воображение разыгралось. Что девочки не должны быть такими странными. Но отец — отец верил. Он говорил, что это дар. Что наши предки, может быть, тоже видели мир так. Что это кровь леса в наших жилах.

— Лес — наш сосед, Агаша, — говорил он, и его борода, в которой седина переплеталась с рыжиной, словно иней на

осеннем листе, щекотала мне щёку, когда он сажал меня к себе на колени. — Уважай его, и он тебя не тронет. А может... может, он тебе даже что-то расскажет.

Я уважала. И лес говорил со мной.

Наши руки — мои и отцовы — всегда пахли травами. Мать вздыхала, глядя на меня, склонившуюся над ступкой:

— Не к лицу тебе, Агаша, эта грязь под ногтями. Девке надо быть чистой, как роса на заре, чтобы замуж взяли.

Но я знала: именно эта «грязь» — сок тысячелистника, пыльца зверобоя, измельчённые корни лопуха — спасла жизнь не одному ребёнку в нашей деревне. Когда у бабы Дарьи сын захлебнулся в реке и не дышал, я положила его на мох и натёрла грудь мазью из подорожника и мяты, и он закричал. Когда у кузнеца Петровича рука загноилась после удара молотом, я приложила компресс из коры дуба, и рана затянулась за три дня.

Животные чувствовали это лучше людей. Псы поджимали хвосты и прятали глаза, когда я проходила мимо, — не от страха, а от какого-то странного уважения. А раненая лиса однажды сама приползла к нашему порогу, доверяя мне свою боль больше, чем любому охотнику с ружьём. Я перевязала ей лапу полоской старой рубахи, и она смотрела на меня своими янтарными глазами так, будто благодарила.

Но главное — я видела их. Ауры.

Я не знала, как это называется, пока не услышала от отца. Он говорил, что у каждого живого существа есть свет —

невидимый для обычных глаз, но живой. У зверей он был ярким, честным, пульсирующим тёплым золотом или тревожным багровым. У деревьев — медленным, зелёным, как дыхание. У людей же... люди были мутными. Их души напоминали стоячую воду в болоте — серые, непонятные, полные чего-то, чего они сами не понимали.

Наш дом стоял на отшибе, там, где лес начинался так близко, что ночью можно было слышать, как трещат ветки под тяжёлыми лапами медведей или как шуршит чешуя змей в высокой траве. Каменная печь в углу, низкий потолок, запах дыма и трав — это был мой мир. Мой настоящий мир.

Я знала каждую тропу, каждый ручей, каждый куст, под которым можно найти редкие травы. Я знала, когда собирать кору дуба для отвара от лихорадки — на убывающую луну, когда сок идёт вниз. Когда рвать зверобой для заживления ран — в полдень, в день Ивана Купалы, когда сила в нём наибольшая. Когда копать корни лопуха для укрепления волос — рано утром, пока роса ещё не сошла.

Это было моё ремесло. Моё призвание. Моя жизнь.

И всё было хорошо. До Василия.

Василий, сын местного купца, появился в моей жизни прошлой осенью — как гнилой плод, который падает с дерева и начинает портить всё вокруг.

Он был жирным, самодовольным, с руками, пахнущими луком, дешёвым табаком и деньгами. Его аура была липкой — я чувствовала её за версту, ещё до того, как видела его.

Она пахла чем-то тухлым, как мясо, которое забыли в жаркий день.

Сначала это были «случайные» встречи у колодца. Потом — подарки, которые я не просила. Ленты. Пряники. Серебряная монета, которую он бросил в грязь у моих ног, как будто это была подачка.

— Возьми, Агаша, — говорил он, и его маленькие, хитрые глазки блестели. — Купи себе платье. Красивое. Чтобы все видели, что ты — моя.

Я не брала. Я швыряла монету обратно в грязь, и он краснел, и его аура вспыхивала гневом — тёмно-красным, злым.

В тот день, когда всё изменилось, я пошла в лес за корой дуба. Солнце стояло высоко, и сквозь листья пробивались золотые лучи, играя на серебристой коре деревьев. Я наклонилась, чтобы сорвать кусок коры, и почувствовала — тяжёлое дыхание за спиной. Его аура ударила меня по затылку, липкая и горячая, как прикосновение мокрой собаки.

Я выпрямилась медленно, не оборачиваясь. Сердце колотилось, но я не показала страха. Отец учил меня: страх — это запах, и звери его чувствуют.

— Агафья, — прохрипел он, и его пальцы, влажные и холодные, сомкнулись на моём запястье. — Хватит бегать. Ты будешь моей. Я сделаю из тебя госпожу. Ты будешь есть с серебряной ложки, спать на пуховых перинах. Зачем тебе эти травы? Зачем тебе эта грязь?

Я вырвалась, чувствуя, как кожа горит там, где он меня

коснулся. Меня тошнило от его близости. Для меня любовь была чем-то светлым, тихим, как утренний туман над рекой. А Василий пах потом, жадностью и чем-то гнилым внутри.

— Уходи, Василий, — сказала я тихо, но в моём голосе звенела сталь. — Твои деньги не купят того, чего у тебя нет. Чести.

Он побледнел, затем покраснел, словно налитый кровью клещ. В его глазах вспыхнула ненависть, тёмная и вязкая. Он шагнул ко мне, и я отступила на шаг — к лесу, к своим деревьям, к своей земле.

— Ты ещё пожалеешь, ведьма, — прошипел он, плюнув в пыль у моих ног. — Ты думаешь, ты лучше нас? Ты думаешь, твоя «чистота» защитит тебя? Я покажу всем, кто ты на самом деле.

Он развернулся и ушёл, и я видела, как его аура пульсирует чёрным — цветом мести, цветом зла, которое зреет, как яд в змеиной железе.

Я стояла и смотрела ему вслед, и впервые в жизни я почувствовала — что-то холодное внутри меня. Не страх. Не обида. А... предчувствие. Как будто лес шепнул мне: берегись.

И он показал.

Слухи росли быстрее сорняков после дождя.

«Видели её в лесу с рогатой тенью!» — шептали бабы у колодца, и их ауры становились мутными от страха. «Она варит зелья из костей нерождённых детей!» — кричал кузнец,

и его кулак стучал по наковальне, как сердце злобы. «Она смотрит на мужчин так, что у тех кровь стынет в жилах!» — плевал старик Митрий, и его глаза были слепы от ненависти.

Отец запирает ворота на тяжёлый дубовый засов. Его руки, мозолистые и сильные, дрожали от бессильной ярости.

— Сиди дома, дочь. Переждут. Молва — как ветер, утихнет.

Но молва не утихала. Она пробивалась сквозь щели в заборе, сквозь закрытые ставни. Люди приходили тайком, по ночам, стучали в окно, умоляли помочь. Я помогала. Я не могла иначе — это было во мне, как дыхание. Но каждый уходивший человек нёс с собой не только исцеление, но и страх. И этот страх превращался в ненависть.

Мать плакала по ночам. Я слышала, как она шепчет молитвы, которых не знала. Отец точил топор — не для меня, для защиты дома. Но я знала — топор не поможет. Против толпы топор бессилен.

А потом... потом пришло безумие.

Глава 2. Три отказа

Это случилось в полдень, когда солнце стояло в зените, а мухи лениво жужжали над навозной кучей. Сначала послышался топот. Множественный, тяжёлый. Затем крики. Детские, визгливые, полные восторга и ужаса.

— Царь едет! Царь едет! — орала детвора, бегая по улице и сбивая с ног кур. — Батюшка-царь к нам жалуется!

Сердце у меня пропустило удар. Царь? В нашу глушь? В

нашу забытую богом и людьми деревню? Это было невозможно. Цари живут в каменных дворцах, а не среди глиняных хибар. Но пыль уже поднималась над дорогой, закрывая солнце.

Деревня замерла. Бабы перекрестились, мужики сняли шапки, даже собаки перестали лаять. Из пыли выехала карета. Не простая телега, а настоящая карета, обитая бархатом цвета запёкшейся крови, с гербом, который я не узнала, но от которого веяло такой силой, что у меня заложило уши.

Лошади, чёрные, как ночь, храпели, выпуская пар. Карета остановилась прямо у нашей калитки, раздавив цветущую мальву, которую я посадила весной. Её лепестки лежали на земле, как капли крови.

Из кареты вышел человек.

Высокий, в дорогом кафтане, расшитом золотом. Его лицо было красивым той страшной, хищной красотой, от которой холодеет кожа. Тёмные волосы, собранные в строгую косу, пронзительный взгляд серых глаз, в которых читалась скука человека, видевшего слишком много чужих страданий и не чувствующего ничего.

Его аура была тяжёлой, давящей, как грозовое небо перед ливнем. Она пахла дорогим вином, холодным железом и чем-то древним, пыльным, как книги в заброшенной библиотеке. Голова у меня резко заболела, виски заныли, словно кто-то вбил в них раскалённые гвозди.

Я пошатнулась, и мать схватила меня за руку.

— Стой прямо, — прошептала она. — Не показывай слабости.

Родители засуетились, кланяясь в пояс, но я стояла прямо. Я чувствовала, как его взгляд скользит по мне, оценивая, примеривая. Как товар на рынке. Как вещь, которую можно купить или сломать.

— Ты та самая целительница? — его голос был низким, бархатным, но в нём слышался скрежет металла о камень.

— Я просто знаю травы, милостивый государь, — ответила я. Мой голос не дрогнул, хотя сердце колотилось о рёбра, как птица в клетке, чувствуя смертельную опасность.

Он шагнул ближе, вторгаясь в моё личное пространство. От него веяло жаром, который контрастировал с холодом его взгляда.

— Моя жена родила сегодня утром, — сказал он, и в его глазах мелькнуло что-то болезненное, почти человеческое. — Ребёнок слаб. Кричит тихо, будто боится этого мира. Знахарки говорят — сглаз. Врачи разводят руками. А я думаю... может, ему нужна чистота? Та, что не куплена за золото?

Он протянул руку, почти касаясь моей щеки. Я отшатнулась. Не из страха перед ним. Из отвращения к тому, что я увидела в его ауре: грязную, липкую пелену, полную похоти, собственности и глубокой, чёрной пустоты.

— Вам нужно к жене, — сказала я твёрдо, встречая его взгляд. — Ребёнку нужна мать, её тепло и молоко, а не чужие руки и сомнительные снадобья.

Я повернулась, подошла к столу под навесом и взяла плетёное лукошко. Внутри лежали маленькие глиняные баночки с мёдом, смешанным с пылью ночных цветов, и склянка с росой, собранной на рассвете в день летнего солнцестояния.

— Возьмите это. Дайте ребёнку каплю на язык. Это придаст сил. Это дар земли, а не магия.

Князь замер. Его лицо исказилось. Отказ. От простой крепостной девки. От той, кто должен был ползать у его ног, благодарная за внимание. Его гордость, толстая и хрупкая, треснула.

В этот момент прискакал гонец, весь в пыли, лошадь хрипела, выпуская пар.

— Ваше сиятельство! Княгиня... ребёнок... он затихает! Дыхание слабеет!

Князь рванул лукошко из моих рук так, что прутья хрустнули, а баночки жалобно звякнули. Его аура вспыхнула багровым, обжигающим жаром, ударив меня по лицу, как пощёчина. Боль в голове стала невыносимой.

— Ты смеешь учить меня? — прорычал он, и в его голосе зазвенела истерика. — Ты смеешь отказывать мне? Мне, кто может купить твою жизнь одним словом?

Он ударил ладонью по деревянному столу. Столешница раскололась с громким треском, миски разлетелись вдребезги, осколки глины разлетелись по двору.

— Заковать её! — крикнул он, и звук его голоса ударил

по барабанным перепонкам всех присутствующих, вызывая физическую боль. — В цепи! Привезти во дворец. На расвете третьего дня — костёр. Пусть очищает огонь то, что не очистила совесть. Пусть плачут те, кто верил в её «чистоту».

Отец бросился вперёд, падая на колени в грязь, не обращая внимания на острые камни.

— Помилуй, батюшка-князь! Она дитя! Она невинна! Она лишь травы знает!

Он схватил край красного княжеского плаща, пальцы побелели от напряжения, впиваясь в дорожную ткань. Князь резко дёрнул ногой, сбрасывая отца, как ненужную тряпку.

— Прочь, смерд. Не мешай правосудию.

Я увидела, как голова отца ударилась о камень. Как кровь потекла по его бороде, смешиваясь с грязью. Как мать закричала — не человеческим голосом, а воем раненого зверя.

Двое охранников, лица которых были скрыты шлемами, грубо схватили меня за руки. Железо наручников было холодным, тяжёлым и пахло ржавчиной и чужой кровью. Я не сопротивлялась. Я смотрела на отца, который рыдал, разрывая ногтями землю, и на мать, закрывшую лицо руками и беззвучно молящуюся.

Меня забросили на коня. Лошадь фыркнула, чувствуя мой страх и боль, но я уже не боялась людей. Я смотрела в темнеющее небо, где начинали проступать первые звёзды, холодные и равнодушные.

И тут... тут я почувствовала это.

В самой глубине моего сознания, где-то за гранью боли, унижения и предательства, я почувствовала Зов.

Тонкий, едва уловимый запах серы и древней пыли. Шёпот, который звал не в рай, где праведники поют хоры, а туда, где правда не зависит от титулов, где сила важнее происхождения, где демоны честнее людей.

— Веди, — прошептала я ветру, когда конь рванул с места, увозя меня прочь от дома, от детства, от жизни. — Веди меня туда, где нет лжи.

Деревня осталась позади, окутанная слезами, дымом очагов и страхом. А впереди была только дорога. Дорога в ад.

И я впервые за всю свою жизнь улыбнулась. Едва заметно. Горько. Но искренне.

Потому что я знала — это не конец.

Это только начало.

Столица встретила меня не звоном колоколов, а смрадом.

Я почувствовала его ещё за версту — тяжёлый, вязкий, пропитанный запахом немытых тел, конского навоза, жареного мяса и чего-то сладковато-гнилостного, что исходило от канализационных стоков. В деревне я привыкла к запахам леса — мха, прелой листвы, сырой земли. Здесь же воздух был другим. Он давил на грудь, забирал дыхание, напоминал мне, что я — чужая. Что я — пленница.

Каменные дома давили своими высокими стенами, закрывая небо, оставляя лишь узкие полоски серого света. Улицы были узкими, кривыми, мощёными булыжником, кото-

рый блеснул от вечной влаги. Люди здесь смотрели друг на друга не как соседи, а как хищники: оценивающе, холодно, с расчётом. Их ауры были мутными, серыми, полными страха и жадности. Я видела, как они прятали глаза, когда проходила карета князя. Как они кланялись низко, но в их взглядах я читала ненависть.

Меня привезли не в темницу, как я ожидала, услышав лязг замков. Охранники, которые везли меня, не говорили ни слова. Они смотрели на меня так, будто я была не человеком, а вещью. Или зверем. Или чем-то хуже.

Меня доставили в покои для прислуги при княжеском дворе.

Комната была небольшой, с низким потолком, оклеенная обоями, которые когда-то были голубыми, но теперь покрылись пятнами плесени и копоты. В углу стояла узкая кровать с жёстким тюфяком, набитым соломой, который противно скрипел под каждым движением. Пахло сыростью, старым деревом и мышами. Окно было маленьким, высоко, и через него пробивался лишь тусклый серый свет.

Стражники грубо толкнули меня внутрь.

— Раздевайся, — бросил один из них, не глядя мне в глаза. — Князь приказал омыть тебя перед аудиенцией. Ты смердишь конюшней.

Я не двигалась. Я стояла посреди комнаты, сжимая кулаки, чувствуя, как внутри поднимается холодная, звенящая ярость. Не страх. Именно ярость. Они думали, что сломали

меня. Что я буду плакать, умолять, ползать у их ног. Но я не была такой. Я была дочерью Григория. Я была травницей. Я была той, кто лечил их детей.

— Я сказала, раздевайся, — повторил стражник, и в его голосе зазвенела угроза.

Я медленно, очень медленно, начала расстёгивать рубаху. Мои пальцы дрожали, но я не позволяла себе показать слабость. Я смотрела ему прямо в глаза — в его мутную, серую ауру — и видела, как он отводит взгляд. Как ему становится неловко.

Он вышел, хлопнув дверью.

Вода в медном тазу была холодной, но чистой. Пока я отмывала от себя дорожную пыль и лошадиный пот, который въелся в кожу за три дня пути, я думала об отце. О матери. О том, что они сейчас делают. Плачут ли? Молятся ли? Или уже... уже не могут.

Дверь скрипнула.

Я обернулась, и моё сердце пропустило удар.

Вошёл он. Князь.

Он сменил дорожный кафтан на домашний халат из тяжёлого шёлка, расшитый золотыми нитями. На ногах — мягкие сафьяновые туфли. Он выглядел расслабленным, почти домашним, но его аура по-прежнему давила на меня, вызывая тошноту. Она пахла дорогим вином, холодным железом и чем-то древним, пыльным.

За ним, словно тень, вошла женщина. Марфа. Та самая

служанка, на которую он указывал в деревне. Она была полной, с пышной грудью и бёдрами, которые выпирали из простого платья. Её лицо было безмятежным, даже довольным. Она несла поднос с вином и фруктами. Её аура была тусклой, почти угасшей, как у всех, кто слишком долго был рядом с ним.

Князь прошёлся по комнате, оглядывая меня так, будто осматривал новую лошадь. Его взгляд скользил по моему телу — по мокрым волосам, по плечам, по груди — и я чувствовала, как внутри поднимается волна отвращения.

— Ты всё ещё пахнешь лесом, Агафья, — сказал он, беря чашу с вином из рук Марфы. — Это раздражает. Здесь, во дворце, пахнет властью и деньгами. Тебе нужно привыкнуть.

Он сделал глоток, вытер губы рукавом и подошёл ближе. Его аура окутала меня, как липкая пелена, и я почувствовала, как голова начинает болеть.

— Я дал тебе время подумать, — продолжал он, и его голос был таким же, каким я его помнила. Бархатным. Ленивым. Полным власти. — Моя жена... она сейчас слаба. После родов ей не до мужских ласк. Да и честно говоря, за пять лет она мне наскучила. Стала скучной, как постная каша. А ты... ты живая. В тебе есть огонь.

Он кивнул на Марфу.

— Видишь её? Она тоже когда-то отказывала. Кричала о чести. А теперь служит мне верой и правдой. И живёт в тепле, ест досыта. Это норма, Агафья. Женщины приходят и

уходят. Главное — быть полезной и не иметь глупых принципов.

Я смотрела на него, и внутри меня поднималась холодная, звенящая ярость. Не страх. Именно ярость.

— Я не вещь, милостивый государь, — сказала я тихо. — И не трава, которую можно сорвать и выбросить, когда она завянет.

Его лицо дёрнулось. Глаза сузились.

— Ты опять отказываешь? Мне? Тому, кто мог бы сделать тебя богатой? Чьи милости ждут тысячи?

— Я отказываю, — повторила я. — Потому что ваша душа пуста. И никакое золото её не наполнит. Вы покупаете тела, потому что не способны купить души.

Первый отказ.

Князь швырнул чашу в стену. Вино, красное, как кровь, разлетелось брызгами по обоям, оставляя грязные потёки.

— Упрямица! — заревел он. — Завтра на рассвете ты будешь сожжена на площади! Пусть весь город увидит, что бывает с теми, кто смеет перечить власти! Пусть огонь очистит твою гордыню!

Марфа даже не вздрогнула. Она просто подобрала осколки глины, сохраняя на лице ту же безмятежную, пугающую улыбку. Как будто она видела это сотни раз. Как будто она знала, что будет дальше.

Князь вышел, хлопнув дверью. И я осталась одна.

Ночь перед казнью была долгой и тихой.

Я сидела на полу, прислонившись к холодной стене, и слушала, как за окном шумит столица. Крики пьяных. Лай собак. Далекий звон колоколов. Я не молилась. Боги, которым молились эти люди, были глухи. Они принимали жертвы, но не слышали криков.

Я думала об отце. О том, как он учил меня читать. О том, как он говорил: «Лес — наш сосед, Агаша. Уважай его, и он тебя не тронет.» Я думала о матери. О том, как она пекла хлеб. Как она пела колыбельные. Как она плакала, когда меня увели.

Я думала о том, что я никогда не узнаю, что такое любовь. Что я никогда не буду иметь детей. Что я никогда не увижу, как растёт трава весной. Что я никогда не услышу, как поют птицы на рассвете.

И я плакала. Не от страха. От горя. От того, что моя жизнь оборвалась так глупо. Так несправедливо. Так... бессмысленно.

На рассвете, когда небо только начало сереть, дверь снова открылась.

Вошёл князь. Один. Без стражи. Без Марфы.

Он выглядел уставшим. Под глазами залегли тени, руки дрожали. В руке он держал моё лукошко с травами, которое так яростно отнял в деревне.

— Мои травы... — начал он хрипло. — Ребёнок стал сильнее. Он перестал плакать по ночам. Твоя роса... она помогла. Врачи бессильны, а твоя «грязь» творит чудеса.

Он посмотрел на меня, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на мольбу. Или на отчаяние человека, который понимает, что теряет контроль.

— Я спрашиваю тебя в последний раз, Агафья. Готова ли ты разделить со мной ночи? Стань моей тайной любовницей. Никто не узнает. Ты будешь жить в роскоши. Твои родители получают землю, освобождение от податей. Откажись от своей «чистоты». Она никому не нужна в этом мире.

Я подняла на него глаза. Я видела его ауру: она была серой, больной, изъеденной червями сомнения и страха смерти. Он боялся. Боялся, что его ребёнок умрёт. Боялся, что он потеряет контроль. Боялся, что он... что он не сможет.

— Нет, — ответила я. — В третий раз нет.

Второй отказ.

Он замер. Затем его лицо окаменело. В глазах погасла последняя искра человечности, сменившись холодной решимостью палача.

— Жаль, — прошептал он. — Ты могла бы быть великой. Но ты выбрала смерть.

Он вышел. И я знала, что это конец.

Площадь была заполнена людьми.

Тысячи глаз смотрели на меня с ненавистью, любопытством и страхом. Воздух дрожал от гула толпы. Пахло потом, дешёвым вином, кислыми щами и возбуждением. Люди ждали зрелища. Для них это был праздник. Как Рождество. Как Масленица. Как что-то, что нужно отметить.

Меня привязали к столбу. Солома вокруг моих ног была сухой и шершавой. Верёвки врезались в запястья, и я чувствовала, как кровь приливает к пальцам, делая их тяжёлыми, чужими.

Князь вышел на деревянную трибуну, возвышающуюся над толпой. Его голос, усиленный эхом каменных стен, гремел:

— Граждане! Перед вами ведьма! Отродье демонское! Она отвергла милость господина, она общалась с нечистой силой, она навлекла болезнь на княжеский род! Пусть огонь очистит землю от её скверны!

Толпа взревела. В меня полетели гнилые помидоры, разбитые глиняные чашки, камни. Кто-то кричал: «Сожги её!» Кто-то плевал. Я стояла прямо, не пытаюсь укрыться. Боль от ударов была физической, но боль от предательства людей, которых я лечила, была невыносимой. Я видела их ауры: они были мутными, серыми, слепыми.

Я видела баба Дарью — ту самую, которой я лечила руку. Она смотрела на меня с ненавистью, и её аура была чёрной от злобы. Я видела кузнеца Петровича — того, чью руку я спасла. Он плевал в меня, и его глаза были слепы от страха. Я видела старика Митрия — того, кто первым назвал меня ведьмой. Он смеялся, и его смех был как удар хлыста.

И вдруг я увидела его.

Отец. Григорий.

Он пробивался сквозь бушующую толпу, опираясь на

свою старую, потёртую трость из дуба. Трость стучала по камням мостовой: тук-тук-тук. Этот звук был ритмом его жизни, ритмом его любви ко мне. Его лицо было искажено криком, слёзы текли по бороде, смешиваясь с грязью и пылью площади. Он выглядел старше своих лет, согбенный горем, но его глаза горели огнём, которого не было даже у палача.

— Одумайтесь! — орал он, хрипя, размахивая тростью, отгоняя тех, кто мешал ему пройти. — Она невинна! Она лечила ваших детей! Люди, опомнитесь! Не верьте лжи!

Он пытался прорваться к столбу, но стражники преградили ему путь алебардами. Он упал на колени, протягивая руки ко мне, сжимая трость так, что костяшки пальцев побелели.

— Агаша! Доченька! Прости меня! Прости!

Я посмотрела на него. И улыбнулась. Едва заметно. Тепло разлилось по груди, заглушая страх.

— Не дано, папенька, — прошептала я. Так тихо, что услышать мог только он, благодаря ветру, который донёс мои слова прямо к его ушам, перекрывая рёв толпы. — Я не боюсь. Иди домой. Люби маму.

Он закричал. Крик был таким пронзительным, таким полным боли, что у меня разорвалось сердце. Но я не могла плакать. Не сейчас. Не при них.

Палач поднёс факел.

Огонь лизнул сухую солому.

Вспыхнуло ярко, мгновенно. Жар ударил в лицо, обжига-

ющий, жестокий. Но вместе с болью пришло освобождение. Мои волосы вспыхнули, как спичка. Кожа затрещала. Но моя душа... моя душа уже была не здесь.

Я смотрела, как отец рыдает, уткнувшись лицом в пыль площади, как толпа ликует, как князь отворачивается, не в силах выдержать моего взгляда. И в этот момент, между жизнью и смертью, я увидела Разлом.

Тонкую трещину в реальности. За ней не было ни рая, ни ада в привычном понимании. Там был мир, пахнувший серой, древней пылью и... свободой. Мир, где нет князей, нет Василия, нет лжи.

Огонь пожирал моё тело, но я уже шагнула туда. В неизвестность. В правду.

Глава 3. Древо выбора

Боль исчезла так же внезапно, как и пришла.

Огонь, который пожирал мою плоть, сменился ледяным ветром. Я не падала. Я парила. Вокруг меня не было ни неба, ни земли, только бесконечная серая дымка, пахнувшая старой бумагой и мокрой землёй. Воздух был холодным, но не обжигающим. Он проникал в лёгкие, как глоток родниковой воды, и я чувствовала, как он очищает меня изнутри.

Я подняла руки и посмотрела на них. Они были целыми. Без ожогов. Без следов веревок. Кожа была бледной, но не мёртвой. Я чувствовала её — каждую клеточку, каждый нерв. Я была... живой. Но не так, как раньше. По-другому.

Впереди, из тумана, проступило дерево.

Огромное, древнее, похожее на дуб, но его кора была чёрной, как уголь, а листья шептали на языке, которого я не понимала, но чувствовала смысл каждого слова: выбор, цена, вечность. Корни уходили глубоко в землю, а ветви тянулись к небу, как руки, молящиеся к чему-то большему, чем я могла понять.

Под ним стоял старец.

Он был худым, почти прозрачным, одетым в простые льняные одежды, которые казались сотканными из тумана. В руке он держал костыль, сплетённый из живых лоз, которые медленно пульсировали, словно вены. Его глаза были закрыты, но я знала: он видит меня лучше, чем кто-либо видел при жизни. Его аура была... странной. Не такой, как у людей. Не такой, как у демонов. Она была... вне времени. Как будто он существовал всегда и никогда.

— Добро пожаловать на Границу, Агафья, — его голос звучал как шелест сухих листьев. — Ты стоишь перед выбором, который делают немногие.

Я огляделась.

Слева, за пеленой света, я увидела мир, залитый золотом. Там не было боли, не было грязи. Там царила абсолютная, звенящая чистота. Я видела фигуры — светлые, прекрасные — они двигались медленно, как во сне, и их ауры сияли, как звёзды. Я почувствовала запах — запах ладана и роз. Я услышала пение — тихое, нежное, как колыбельная.

— Это Мир Света, — продолжил старец. — Обитель пра-

ведников. Там нет страданий, нет лжи, нет ненависти. Твоя душа чиста, девочка. Ты заслужила этот покой.

Справа же клубилась тьма. Густая, вязкая, пахнувшая серой и влажной землёй. Я не видела, что там, но я чувствовала... что-то. Не зло. Не опасность. А... честность. Как будто там не было притворства. Не было масок. Только правда.

— А это Чистилище Теней, — сказал старец. — Место, где обитают те, кого отверг свет. Демоны, нечисть, грешники. Но также и те, кто слишком сильно любил или слишком сильно ненавидел, чтобы раствориться в свете.

Я посмотрела налево, в сторону света. И вдруг мне стало тошно.

Свет? Тот самый свет, который позволил людям бросать в меня гнилые помидоры? Тот свет, под которым князь насмеялся над моей честью? Тот свет, который молчал, пока меня жгли заживо? Тот свет, который забрал мою мать? Который позволил избить моего отца?

Нет. Я не хотела туда. Не хотела быть среди тех, кто смеялся над моей смертью. Не хотела быть среди тех, кто смотрел и ничего не сделал. Не хотела быть среди тех, кто называл себя праведниками, но творил зло.

— Я не хочу туда, — сказала я тихо, но твёрдо. — Я не хочу быть среди тех, кто смеялся над моей смертью.

Старец открыл глаза. Они были белыми, без зрачков, но я чувствовала, что он смотрит прямо в мою душу.

— Будь осторожна с обидами, Агафья. Они тяжелее кам-

ня. Они могут съесть тебя изнутри. Они могут сделать тебя... пустой.

Он помолчал, потом продолжил, и его голос стал мягче, но в нём была та самая боль, которую я видела в глазах козлоногого, вурдалаков, женщины с хвостом ящерицы.

— Знай же: твоя матушка, Клавдия, уже перешла границу. Её сердце не выдержало горя. Она ждёт тебя в Свете. Она плачет по тебе, зовёт тебя.

Моё сердце пропустило удар.

Мама? Нет. Не может быть. Она была сильной. Она пережила голод, холод, работу в поле... Она не могла...

— А твой отец... — старец говорил мягко, но каждое слово било как хлыст. — Григорий. После того, как ты сгорела, толпа не успокоилась. Они увидели в нём отца ведьмы. Избили его. Сломали ему рёбра, выбили зубы. Он лежит сейчас на пороге своего дома, истекая кровью. Его жизнь висит на волоске. Он вот-вот отойдёт в мир иной. И если ты уйдёшь во тьму, ты никогда больше не увидишь их обоих. Никогда.

Боль, острая и режущая, пронзила меня сильнее, чем огонь. Мама... Папа... Их избили мои же соседи. Те, кому я давала травы. Те, кому я спасала детей. Те, кого я лечила.

Слёзы выступили на глазах, но я не позволила им упасть. Обида стала моим щитом. Если свет допускает такое зло, значит, свет фальшивый. Если свет позволяет матери умереть от горя, а отцу — истечь кровью на пороге собственного дома, значит, свет не стоит того, чтобы в него верить.

— Они предали меня, — прошептала я. — И я предаю их свет.

Я повернулась спиной к золотому сиянию и шагнула в чёрную завесу.

Тьма поглотила меня мгновенно.

Было холодно. Так холодно, что кости ныли. Я шла вслепую, ориентируясь только на интуицию. Вокруг шептали голоса, смеялись, плакали. Я чувствовала присутствие других существ — тех, кто выбрал тьму, как и я. Но они не трогали меня. Они просто... были. Как тени в лесу. Как шёпот ветра в кронах деревьев.

Я шла долго. Не знаю — сколько. Время здесь не имело значения. Был только путь. И запах — запах серы, древней пыли и чего-то ещё... чего-то, что я не могла назвать, но что казалось мне... родным.

Вдали, сквозь мрак леса, показались два огонька. Тусклые, красноватые, как угли в потухшем камине. Я пошла к ним. Чем ближе я подходила, тем отчётливее становился запах: жареное мясо, дешёвое вино, пот и... магия. Густая, липкая магия. Она окутывала меня, как кокон, и я чувствовала, как она... принимает меня. Как будто она знала, кто я. Как будто она ждала меня.

Передо мной вырос небольшой домик, покосившийся от времени. Стены были из тёмного дерева, покрытого резьбой. Крыша — из соломы, местами прогнившей. Над дверью висела вывеска с изображением чёрного коня, скалящего зубы.

Подпись гласила: «Таверна Чёрный Конь».

Дверь была приоткрыта. Изнутри доносились звуки: звон кружек, грубый смех, бреньканье расстроенной лютни. Я почувствовала тепло — не физическое, а... душевное. Как будто за этой дверью был дом. Настоящий дом. Тот, которого у меня никогда не было.

Я толкнула дверь. Петли жалобно скрипнули.

И я замерла на пороге.

Внутри было полумрачно, освещено лишь свечами в железных подсвечниках и тлеющим камином. Запах ударил в нос: смесь прогорклого масла, кислого вина и чего-то сладковато-приторного, напоминающего увядшие лилии.

Зал таверны был полон. Но это не были люди.

Я стояла на пороге, вцепившись в косяк двери так, что ногти побелели. Мои глаза метались от одного существа к другому, и с каждым новым образом моя способность видеть ауры работала всё активнее, показывая мне то, чего я никак не ожидала увидеть.

Я думала... я была уверена, что в Аду всё будет чёрным. Гнилым. Пронизанным ненавистью и злобой. Что ауры этих существ будут мутными, как болотная вода, или грязно-серыми, как пепел после пожара. Я готовилась к тому, что меня стошнит от их сути.

Но то, что я видела, не укладывалось в голове.

И тогда я поняла.

Это не конец.

Это только начало.

Глава 4. Рагу и волосы дыбом

Внутри было полумрачно, освещено лишь свечами в железных подсвечниках и тлеющим камином. Запах ударил в нос: смесь прогорклого масла, кислого вина и чего-то сладковато-приторного, напоминающего увядшие лилии.

Зал таверны был полон. Но это не были люди.

За ближайшим столиком сидели двое существ, которые сначала показались мне мужчинами в дорогих камзолах. Но когда один из них повернулся, чтобы крикнуть официантке, я увидела правду. Их торсы были человеческими, мускулистыми и покрытыми лёгкой щетиной, лица — грубыми, с клыками, вылезающими из-под губ. Но ниже пояса... Ниже пояса их тела переходили в мощные, покрытые чёрной шерстью лапы козла. Копыта стучали по деревянному полу, когда они смеялись, разливая вино прямо на стол.

В углу, у камина, сидела компания вурдалаков. Они выглядели почти как обычные крестьяне, но их кожа была серой, натянутой на кости, а глаза горели нездоровым жёлтым огнём. Один из них грыз куриную кость так яростно, что хруст раздавался на весь зал.

У барной стойки танцевала женщина. Или то, что когда-то было женщиной. Её платье было разорвано, обнажая спину, покрытую чешуёй, а вместо ног у неё был длинный, гибкий хвост ящерицы. Рядом с ней сидел бес — маленький, краснокожий, с крыльями летучей мыши, который подливал ей

в кубок что-то дымящееся и хихикал.

Воздух гудел от голосов. Здесь говорили на всех языках мира, смешивая их с рычанием и шипением. Кто-то играл в кости, используя фаланги пальцев. Это был хаос. Грязный, шумный, опасный хаос.

Я стояла на пороге, вцепившись в косяк двери так, что ногти побелели. Мои глаза метались от одного существа к другому, и с каждым новым образом моя способность видеть ауры работала всё активнее, показывая мне то, чего я никак не ожидала увидеть.

Я думала... я была уверена, что в Аду всё будет чёрным. Гнилым. Пронизанным ненавистью и злобой. Что ауры этих существ будут мутными, как болотная вода, или грязно-серыми, как пепел после пожара. Я готовилась к тому, что меня стошнит от их сути.

Но то, что я видела, не укладывалось в голове.

Аура козлоногого за ближайшим столом была... тёплой. Оранжевой, с переливами медного. Она пахла не серой и кровью, а... дымком от костра и печёными яблоками. Он смеялся, и его аура пульсировала довольным теплом, как у сытого кота на солнце.

Вурдалаки у камина? Их ауры были не мертвенно-серыми, а приглушённо-зелёными, с оттенками мха и прелой листвы. Они казались... уютными. Как старые дедушки, которые просто любят погреться у огня.

Женщина с хвостом ящерицы танцевала, и её аура пере-

ливалась всеми цветами радуги — яркая, живая, радостная. Она была счастливой. По-настоящему счастливой.

— Этого не может быть, — прошептала я, чувствуя, как земля уходит из-под ног. — Они же демоны. Они же... зло.

Но зло не пахло печёными яблоками. Зло не смеялось так искренне. Зло не делилось хлебом с соседом по столу.

И посреди этого зверинца сидел Он.

Он занимал отдельный стол в центре зала, словно король на троне. Вокруг него образовалась пустота, которую никто не смел нарушить.

Он был высок. Намного выше меня. Его фигура была статной, широкой в плечах, облачённой в чёрный бархатный камзол, расшитый серебром так искусно, что узоры казались живыми. На голове у него была тёмная косоворотка, волосы цвета воронова крыла спадали на плечи волнами.

Но главное были рога.

Они изгибались назад, начинаясь от висков, чёрные, гладкие, как обсидиан, с лёгким металлическим отблеском при свете свечей. Они не делали его уродливым. Наоборот, они придавали его лицу какое-то древнее, величественное совершенство. Его лицо было бледным, с высокими скулами. Глаза... его глаза были тёмно-карими, почти чёрными, но в глубине их плясали искры красного пламени.

Он не был похож на тех грязных демонов вокруг. Он был аристократом Ада.

Когда я вошла, разговоры в таверне не стихли, но стали

тише. Демоны косились на его стол, затем на меня, и снова на него. Страх. Уважение.

Мужчина медленно поднял голову. Его взгляд встретился с моим. И в этот момент моя способность видеть ауры сработала на полную мощность.

Его аура не была мутной или грязной. Она была плотной, тяжёлой, как свинец, но при этом невероятно красивой. Она переливалась оттенками багрового, фиолетового и глубокого чёрного. От неё исходила волна тепла, смешанного с запахом озона перед грозой, дорогого парфюма и... крови. Свежей, горячей крови.

Он улыбнулся. Улыбка была медленной, ленивой, но в уголках его губ пряталась хищная насмешка. Он поднял бокал с тёмной, густой жидкостью в моём направлении.

— Добро пожаловать домой, Агафья, — произнёс он. Его голос был низким, бархатистым, и он прозвучал не в ушах, а прямо в моём сознании, вызывая лёгкую дрожь в позвоночнике. — Мы ждали тебя дольше, чем ты думаешь.

Он жестом подозвал меня ближе. — Подойди. Не бойся. Здесь кусают только тех, кто сам просит.

Я сделала шаг вперёд. Мои ноги дрожали, но не от страха. От предчувствия.

— Кто вы? — спросила я, и мой голос прозвучал хрипло.

Он сделал глоток из бокала, облизнул губы, на которых осталась капля тёмной жидкости. — Меня зовут Корнелиус, — сказал он. — Но здесь, в этих стенах, меня называют

просто Хозяином. А ты... ты та самая девочка, которая отказалась от Света ради Обиды. Интересный выбор. Очень... вкусный выбор.

Он посмотрел на меня так, будто я была не человеком, а редким блюдом, которое он давно хотел попробовать.

Пока я стояла, пытаюсь осмыслить увиденное, ко мне подскочил кто-то маленький. Я опустила глаза и увидела чертёнка. Не такого, как те, что сидели у барной стойки. Этот был повыше, с короткими рожками, торчащими в разные стороны, как у молодого оленёнка. Его лицо было круглым, веснушчатым, а глаза — огромные, карие, блестящие, как два уголька. Аура у него была ярко-жёлтой, искрящейся, как лимонад в жаркий день.

— О! Новенькая! — пискнул он, и его голос звучал как звон колокольчиков. — Наконец-то! Я Кири! А ты, наверное, та самая, про которую Хозяин говорил!

Прежде чем я успела ответить, он схватил меня за ладонь. Его рука была тёплой, мягкой, с короткими коготками, которые щекотали кожу.

— Пойдём, пойдём! — затараторил он, таща меня к столу Корнелиуса. — Тебе надо поесть! Ты выглядишь так, будто тебя только что из печи достали! Или из огня! Ой, прости, это же бестактно! Но ты ведь и правда сгорела, да? Это так интересно! Расскажешь потом!

Я позволила ему вести себя, потому что ноги отказывались слушаться. Кири усадил меня на скамью напротив Кор-

нелиуса, который наблюдал за этой сценой с лёгкой усмешкой, лениво крутя бокал в пальцах.

— Хозяин! — крикнул Кири через весь зал, махая рукой кому-то за стойкой. — Еды новенькой! Рагу с мясом! И хлеба! Много хлеба! Она худая как жердь!

Через пару минут передо мной появилась дымящаяся деревянная миска. Рагу густое, с кусками мяса, плавающими в тёмном соусе, и картофелем, который разварился до мягкости. Рядом — целая буханка свежего хлеба, пахнущего дрожжами и теплом.

— Ешь, ешь! — подгонял меня Кири, усаживаясь рядом и болтая ногами, которые не доставали до пола. — А то Хозяин ругаться будет, если ты с голоду помрёшь у него под столом!

Я взяла ложку. Руки дрожали. Я поднесла рагу ко рту, и вкус ударил в голову, как удар молота. Это было... вкусно. Невероятно вкусно. Мясо таяло во рту, соус был острым, но не обжигающим, хлеб хрустел на зубах. Я ела жадно, не замечая, как слёзы выступают на глазах от облегчения.

— Так, — начал Кири, наклонившись ко мне и сверкая глазами от любопытства. — Расскажи! Как ты тут очутилась? Что ты тут делаешь? Ты ведь не умерла, да? Хотя подожди, ты же пахнешь огнём! Значит, умерла? Но тогда почему ты не в Чистилище? Или ты сбежала? Ой, это так интересно!

Он тараторил, не давая мне вставить ни слова. Я жевала хлеб, пытаюсь осмыслить поток информации.

— Я... — начала я хрипло. — Я сгорела. На костре. Ме-

ня...

— О! Ведьма! — восхитился Кири. — Классика! А за что? Ты кого-то отравила? Или летала на метле? Или...

— Кири.

Голос Корнелиуса прозвучал тихо, но в нём была такая сила, что Кири мгновенно замолк, словно ему рот заткнули. Чертёнок съёжился, его аура потускнела до бледно-жёлтого.

Корнелиус поставил бокал на стол и посмотрел на меня. В его глазах плясали искры, но не злые — скорее забавлённые, как у кота, который наблюдает за мышкой, пытающейся убежать.

— Подождём, — сказал он мягко, но твёрдо. — Пусть освоится. А то у неё волосы дыбом встанут, и мы не узнаем, красивая ли она на самом деле.

Я невольно потрогала свои волосы. Они и правда стояли дыбом — от страха, от усталости, от всего происходящего. Я, наверное, выглядела как мокрая ворона, которую только что вытащили из проруби.

— Простите, — пробормотала я, чувствуя, как краснею. — Я просто... я не понимаю.

— Чего именно? — спросил Корнелиус, наклонив голову набок. Его рога блеснули в свете свечей.

— Всего, — выдохнула я. — Я думала... я думала, что Ад — это место пыток. Что демоны — это зло. Что здесь больно и страшно. А тут... тут рагу вкусное. И Кири добрый. И ауры у вас... они не чёрные. Они тёплые.

Корнелиус усмехнулся. Усмешка была ленивой, но в ней было что-то грустное.

— Агафья, — сказал он, и моё имя в его устах звучало как заклинание. — Люди всегда думают, что знают, что такое добро и зло. Что свет — это хорошо, а тьма — это плохо. Но ты сама видела Свет. Видела, как он позволил тебе сгореть. Видела, как твои соседи бросали в тебя камни.

Он сделал глоток из бокала, его глаза не отрывались от моих.

— А здесь, в Аду... здесь мы честнее. Мы не притворяемся добрыми, когда мы голодны. Мы не улыбаемся, когда хотим ударить. Мы такие, какие есть. И иногда... иногда это означает, что мы можем быть добрее, чем те, кто называет себя праведниками.

Кири, который слушал молча, кивнул так энергично, что его рожки затряслись.

— Ага! — пискнул он. — Хозяин прав! Мы не святые, но мы и не лицемеры! Вот!

Я смотрела на них обоих — на древнего, прекрасного демона с рогами и на маленького чертёнка с веснушками — и чувствовала, как что-то внутри меня начинает оттаивать. Обида, которая привела меня сюда, всё ещё была здесь, тяжёлая, как камень в груди. Но рядом с ней росло что-то новое. Любопытство. И, может быть... надежда?

— Расскажи нам, — сказал Корнелиус, и его голос стал мягче, но в нём появилась та самая интонация, от которой у

меня перехватило дыхание. — Расскажи, как ты попала сюда. Мы слушаем.

Глава 5. Мир падших

Я начала говорить тихо, почти шёпотом, словно боялась, что слова обожгут мне горло. Но с каждым предложением голос становился твёрже, и вскоре весь зал таверны затих, прислушиваясь. Даже треск дров в камине казался теперь неестественно громким.

— Меня звали Агафья, — начала я, глядя в свою пустую миску. — Я жила в деревне. Мой отец был крепостным, а мать... мать была самой доброй женщиной на свете. Я знала травы. Лечила людей. Спасала детей.

Я подняла глаза и увидела, что козлоногие за соседним столом перестали смеяться. Вурдалаки у камина отложили кости. Даже женщина с хвостом ящерицы остановилась в танце, её чешуйчатая спина повернулась ко мне. Бес с крыльями летучей мыши замер с кубком в руке.

— Один купеческий сын... Василий... он хотел меня. Не душу, не разум — тело. Я отказала ему. И он начал распускать слухи. Что я ведьма. Что я общаюсь с рогатыми. Что я варю зелья из детских костей.

Кири, который сидел рядом, наклонился вперёд, его огромные глаза блеснули от интереса. Его аура пульсировала тревожным оранжевым.

— Люди стали бояться меня. Приходили тайком за помощью, а потом плевали мне в спину. А потом... приехал князь.

Я замолчала, чувствуя, как горло сжимается. Корнелиус молча пододвинул ко мне кувшин с водой. Я сделала глоток, и продолжала.

— Его ребёнок был болен. Слабый, еле дышал. Он предложил мне... стать его любовницей. Тайной. Женой у него была, но она ему наскучила. А я... я была «живая», «с огнём».

Я усмехнулась горько, и эта усмешка была такой неуместной на моём молодом лице, что кто-то из демонов за соседним столом тихо выругался.

— Я отказала. В первый раз. Он разозлился, но уехал. Ребёнок умирал. Тогда он прислал за мной. Привезли во дворец. Поселили в камерке для прислуги. И опять предложил. Второй раз. Показал свою служанку, Марфу, которая «тоже когда-то отказывала, а теперь живёт в тепле».

Я посмотрела на Корнелиуса. Его лицо было непроницаемым, но в глазах плясали те самые багровые угольки.

— Я отказала и во второй раз. Сказала, что его душа пуста. Что он покупает тела, потому что не способен купить души.

Козлоногий за соседним столом одобрительно фыркнул и ударил кружкой по столу так, что вино расплескалось.

— Тогда он приказал сжечь меня. На рассвете. На площади.

Я замолчала. В зале стало так тихо, что я слышала, как трещат дрова в камине.

— Привязали к столбу. Солома вокруг ног. Князь вышел на трибуну и объявил, что я ведьма, отродье демонское. Толпа... они бросали в меня гнилые помидоры. Камни. Плевали. Кричали: «Сожги её!»

Мой голос дрогнул, но я не остановилась.

— А потом... я увидела отца. Он пробивался сквозь толпу. С тростью. Его трость стучала по камням: тук-тук-тук. Он кричал, что я невинна. Что я лечила их детей. Что я помогала им. Но они... они оттолкнули его. Избили. Сломали ему рёбра. Выбили зубы.

Слёзы текли по моим щекам, но я не вытирала их.

— Он упал на колени. Протягивал ко мне руки. Кричал: «Агаша! Доченька!» А я... я улыбнулась ему. Сказала: «Не дано, папенька. Я не боюсь».

Я закрыла лицо руками.

— Палач поднёс факел. Огонь... он был таким горячим. Таким жестоким. Но моя душа... она уже была не там. Я видела, как отец рыдает. Как толпа ликует. Как князь отворачивается.

Я подняла глаза и увидела, что почти вся таверна смотрит на меня. Вурдалак у камина, тот самый, что грыз кость, вытер глаза рукавом. Женщина с хвостом ящерицы стояла неподвижно, её аура пульсировала тёмно-синим, цветом глубокой печали. Козлоногие сидели молча, их кружки забыты на столе.

— Я шагнула в Разлом, — прошептала я. — И оказалась

здесь.

Тишина в таверне была такой густой, что её можно было резать ножом.

И тогда я услышала стук. Не стук копыт. Не стук костей. А мягкий, ритмичный звук, как будто кто-то быстро перебирал множеством ног по деревянному полу.

Я обернулась.

Ко мне приближалась женщина. Или... существо. Сверху, от головы до пояса, она была человеком. Красивым, с добрым лицом, обрамлѐнным седыми волосами, заплетѐнными в толстую косу. Её глаза были карими, тёплыми, с морщинками вокруг, которые говорили о том, что она много улыбалась. Она была высокой, с широкими плечами, одетой в простой передник, пахнувший мукой и травами.

Но ниже пояса...

Ниже пояса её тело переходило в огромное, чёрное, покрытое густым бархатистым пухом брюшко паука. Восемь длинных, сочленѐнных ног, чёрных, как ночь, с лёгким металлическим отблеском, двигались быстро и бесшумно, неся её ко мне. Её аура была самой тёплой из всех, что я видела — золотистой, как мёд, с переливами янтаря. Она пахла ванилью, старым деревом и чем-то материнским.

— Тихо, тихо, девочка, — проворковала она, и её голос был мягким, как пуховая перина. — Всё хорошо. Ты здесь. Ты в безопасности.

Она подошла ко мне, и её паучьи ноги сложились, что-

бы она могла опуститься на уровень моих глаз. Она обняла меня. Крепко, но осторожно, словно боясь сломать. Её руки были тёплыми, человеческими, а её брюшко, мягкое и пушистое, окутало меня, как живое одеяло.

— Я Марта, — сказала она тихо. — Я присматриваю за этим местом. И за теми, кто сюда приходит.

Я уткнулась лицом в её передник, пахнувший мукой и травами, и плакала. Плакала за отца, который лежал избитый на пороге. За мать, которая умерла, не дождавшись меня. За себя, шестнадцатилетнюю, которая так и не узнала, что такое любовь, но узнала, что такое предательство.

Марта не торопила меня. Она просто держала меня, качая из стороны в сторону, как маленького ребёнка, и тихо напевала какую-то мелодию без слов. Её аура окутывала меня, как тёплое одеяло, и я чувствовала, как часть моей боли уходит, растворяется в её тепле.

Наконец слёзы иссякли. Я подняла голову, чувствуя себя опустошённой, но... легче. Как будто часть камня, который давил на грудь, исчезла.

Корнелиус сидел напротив, наблюдая за мной. Его лицо было непроницаемым, но в глазах плясали те самые угольки — не злые, а задумчивые.

— Хочешь отомстить? — спросил он тихо.

Я посмотрела на него. На его рога, на его бледное лицо, на его руки, которые так легко могли бы раздавить меня, как жука.

— Нет, — ответила я, и мой голос прозвучал удивлённо твёрдо. — Нет. Я не хочу мести.

Кири, который сидел рядом, наклонил голову набок.

— А почему? — спросил он. — Все хотят мести! Вот тот вурдалак у камина — он триста лет мстит кому-то, кто украл его любимую ложку! А ты... ты же сгорела! Это несправедливо!

— Я знаю, — сказала я. — Но месть не вернёт мне отца. Не вернёт мать. Месь... месть только сделает меня похожей на них. На тех, кто бросал в меня камни.

Я посмотрела на свои руки, всё ещё пахнувшие травами, хотя трав уже не было. Только пепел.

— Я просто... я просто хочу увидеть отца, — прошептала я. — Хочу сказать ему, что со мной всё хорошо. Что мне не больно. Что... что он не должен убиваться горем. Что я люблю его. И маму. И что всё будет хорошо.

Слёзы снова выступили на глазах, но я не дала им упасть.

— Я не хочу, чтобы он умер, думая, что потерял меня. Я хочу, чтобы он знал... что я здесь. Что я жива. По-своему. Но жива.

Корнелиус молчал долго. Он смотрел на меня так, будто видел впервые. Потом медленно кивнул.

— Понятно, — сказал он. — Ты не хочешь мести. Ты хочешь прощения. Не для них. Для себя.

Он встал, его камзол шелестнул, и он обошёл стол, останавливаясь рядом со мной. Марта отступила на шаг, но её

рука всё ещё лежала на моём плече, тёплая, успокаивающая.

— Агафья, — произнёс он, и моё имя в его устах звучало как молитва. — Ты удивительное создание. Ты пришла в мир падших, полная обиды, но не стала злой. Ты потеряла всё, но не потеряла способность любить.

Он протянул руку и осторожно коснулся моей щеки, вытирая последнюю слезу. Его пальцы были прохладными, но не холодными.

— Но ты должна понять, где ты оказалась, — сказал он, и его голос стал серьёзным, почти пугающим. — Ты не в Аду. Ад — это место наказания. Место, где души горят в вечном огне за свои грехи. Это... это другая история.

Он сделал паузу, и я увидела, как его пальцы сжались на бокале так, что костяшки побелели.

— Ты в мире падших, — произнёс он тихо, но каждое слово падало, как камень в воду. — Мир тех, кого отверг Свет. Но не за зло. А за... за выбор. За гордость. За обиду. За то, что они не смогли простить.

Я почувствовала, как холодок бежит по спине.

— Падших? — прошептала я. — Но... но ты же сказал... вы добрее...

— Мы можем быть добрее, — кивнул Корнелиус. — Но это не меняет того, кто мы есть.

Он обвёл рукой зал таверны, указывая на козлоногих, на вурдалаков, на женщину с хвостом ящерицы, на Марту, чьи паучьи ноги тихо перебирали, пока она стояла рядом.

— Посмотри на них, Агафья. Видишь их ауры? Видишь, какие они... тёплые? Живые?

Я кивнула, не понимая, к чему он клонит.

— А теперь посмотри внимательнее, — сказал он, и его голос стал ещё тише, ещё серьёзнее. — Посмотри не на ауры. Посмотри на их глаза. На их лица.

Я посмотрела. И увидела.

Козлоногий с ржавой бородой — в его глазах, когда он смеялся, мелькнула тоска. Глубокая, древняя тоска, как у человека, который потерял что-то незаменимое. Его руки, когда он поднимал кружку, дрожали. Не от слабости. От чего-то другого.

Вурдалаки у камина — их ауры были приглушённо-зелёными, но когда один из них грыз кость, я увидела, как его глаза на мгновение стали человеческими. Широкими. Испуганными. Как будто он вспомнил что-то, что хотел забыть.

Женщина с хвостом ящерицы — когда она танцевала, в её движениях была не радость, а... отчаянная попытка забыть. Её аура переливалась яркими цветами, но под ними я видела серую, мёртвую пустоту. Как будто она танцевала не от счастья, а чтобы не думать.

Марта — её аура была тёплой, золотистой, но в её глазах я увидела ту же древнюю тоску. Тоску матери, которая потеряла ребёнка. Тоску женщины, которая помнит, каково это — быть человеком.

— Они все были людьми, — сказал Корнелиус, и его голос

прозвучал так, будто каждое слово высекали из камня. — Когда-то. Давно. Кто-то пятьсот лет назад. Кто-то тысячу. Кто-то больше.

Внутри всё сжалось.

— Людьми? — прошептала я. — Но... но они же...

— Они выбрали тьму, — продолжал он. — Как и ты. Из обиды. Из боли. Из непонимания. И теперь они здесь. В мире падших. Без шанса вернуться. Без шанса оказаться в объятиях Бога.

Последние слова он произнёс так тихо, что я едва услышала. Но они ударили меня сильнее, чем огонь на площади.

— Без шанса? — переспросила я, чувствуя, как горло сжимается. — Никогда?

— Никогда, — кивнул Корнелиус. — Мы отвергли Свет. И Свет отверг нас. Это... это закон. Не наказание. Просто... закон. Как гравитация. Если ты прыгаешь с обрыва, ты падаешь. Не потому что небо тебя ненавидит. А потому что таков порядок вещей.

Я посмотрела на Кири, который сидел рядом, тихо, что было для него необычно. Его аура была приглушённо-жёлтой, и в ней я увидела ту же тоску, что и в глазах козлоногого.

— Кири... — начала я хрипло. — Он тоже...

— Был человеком, — кивнул Корнелиус. — Давно. Очень давно. Он был мальчиком. Любопытным, шумным, добрым. Но его предали. Как и тебя. И он выбрал тьму. И теперь он здесь. Навсегда.

Слёзы снова выступили на моих глазах. Но на этот раз не от боли за себя. От боли за них. За всех них.

— Но... но вы же добрые, — прошептала я. — Вы не злодеи. Вы не мучаете души. Вы не...

— Нет, — согласился Корнелиус. — Мы не злодеи. Но мы и не спасённые. Мы... мы застряли. Между. Мы помним, что такое быть людьми. Помним, что такое любовь, сострадание, надежда. Но мы знаем, что никогда больше не сможем это получить.

Он посмотрел на меня, и в его глазах плясали те самые угольки, но теперь я видела в них не силу, а... боль. Древнюю, тихую боль, которую он носил в себе веками.

— Вот почему мы добрее, чем ты думала, — сказал он. — Потому что мы знаем цену доброте. Мы знаем, что такое потерять всё. И мы не хотим, чтобы другие теряли. Не потому что мы святые. А потому что мы помним, каково это — быть человеком.

Я сидела молча, пытаюсь осмыслить услышанное. Мир падших. Не Ад. Не наказание. Просто... изгнание. Навсегда.

— А я? — спросила я наконец. — Я тоже... я тоже падшая?

Корнелиус кивнул.

— Да, — сказал он. — Ты выбрала тьму. И теперь ты одна из нас. Без шанса вернуться. Без шанса увидеть свою мать в Свете. Без шанса...

Он не закончил. Но я поняла. Без шанса на спасение.

— Но... но я не хотела... — начала я, и голос мой дрогнул.
— Я просто... я не хотела быть среди тех, кто смеялся над моей смертью...

— Я знаю, — сказал Корнелиус мягко. — И это не делает тебя злой. Это делает тебя... честной. Ты не притворялась, что всё хорошо. Ты не простила тех, кто не заслужил прощения. И за это ты заплатила цену.

Он замолчал, давая мне время осмыслить. Потом продолжил, и его голос стал чуть тише, но в нём появилась та самая интонация, от которой внутри всё сжалось.

— Но есть кое-что ещё, — сказал он. — Твой дар. Способность видеть ауры.

Я подняла на него глаза.

— Это редкость, — продолжал он. — Даже среди падших. Большинство из нас потеряли эту способность, когда стали... такими. Мы видим ауры, да, но не так ясно, как ты. Для тебя они... как открытая книга. Для нас — как туман.

Он поднял руку, и его длинные пальцы очертили в воздухе круг. Перед моими глазами вспыхнула моя собственная аура. Я увидела её впервые так ясно. Она была... странной. Не такого цвета, как у демонов. Она переливалась, как перламутр, меняя оттенки от серебристого до глубокого фиолетового. И внутри неё, словно живые нити, пульсировали тонкие золотые прожилки.

— Вот это, — сказал Корнелиус, указывая на золотые нити. — Это твой дар. И он делает тебя... ценной.

Я почувствовала, как краснею. И тут же разозлилась на себя за это.

— Ценной? — переспросила я, поднимая подбородок. — Я не вещь, чтобы быть «ценной».

Корнелиус поднял бровь. В его глазах плясали угольки, но не злые. Скорее... довольные.

— Разумеется, нет, — сказал он мягко. — Прости, если мои слова прозвучали иначе. Я имел в виду... что твой дар может быть полезен. И тебе, и нам.

— Как именно? — спросила я, насторожившись.

Он обошёл стол и сел напротив меня, скрестив длинные пальцы на столе. Его аура пульсировала ровно, как сердцебиение древнего зверя.

— Ты умеешь читать? — спросил он неожиданно.

Я моргнула, не ожидая такого поворота.

— Да, — ответила я. — Отец научил. Он говорил, что грамота — это как ключ. С ним можно открыть любую дверь.

— А писать?

— И писать тоже. Батюшка сам в молодости грамоте учился, у монахов. Он и меня выучил, и матушку. Только матушка забыла со временем...

Корнелиус кивнул, словно подтверждая что-то для себя.

— Грамота, — произнёс он задумчиво. — В мире живых это редкость для женщины. А здесь... здесь это сокровище.

— Почему? — не поняла я.

Кири снова не выдержал и затараторил:

— Потому что здесь много древних текстов! Ой, очень много! Библиотеки, свитки, книги! Некоторые написаны на языках, которые мертвы уже тысячу лет! А падшие... ну, большинство падших не очень-то любят читать. Они больше по дракам, по пьянкам, по... ну, ты поняла! А те, кто любит читать, они старые, как этот дуб на Границе, и глаза у них уже не те!

Корнелиус усмехнулся.

— Кири преувеличивает, как всегда. Но суть верна. В мире падших есть архивы. Тексты, которые собирались веками. Договоры с древними сущностями. Заклинания на забытых языках. Пророчества. Истории, которые нельзя терять. И нужен кто-то, кто сможет их читать. Разбирать. Переводить.

Он посмотрел на меня прямо, и в его взгляде было что-то, от чего я забыла, как дышать. Не угроза. Не приказ. Предложение.

— Я предлагаю тебе работу, Агафья, — сказал он. — Стань моей писаршей. Чтицей. Переводчицей. Работай в архивах. Разбирай тексты, которые никто другой не сможет прочесть. Живи здесь, в таверне, или в моих покоях — как захочешь. Ешь, пей, отдыхай. А я... я помогу тебе с твоим отцом.

Внутри всё перевернулось.

— С отцом? — прошептала я. — Но... но старец сказал... он умирает...

— Умирает, да, — кивнул Корнелиус. — Но ещё не умер.

И у нас есть... способы. Не воскрешать, разумеется. Это против законов. Но увидеть его. Поговорить с ним. Даже если на расстоянии. Если ты согласишься работать на меня, я устрою это.

Я смотрела на него, и внутри меня всё переворачивалось. Работа? В мире падших? Я, крепостная девка, которая всю жизнь копалась в травах, буду читать древние тексты для... для падшего? Для Хозяина таверны?

Это было безумие.

Но это был шанс. Шанс увидеть отца. Сказать ему, что я жива. Что он должен жить.

— Хорошо, — сказала я. — Я согласна.

Корнелиус улыбнулся. Улыбка была медленной, но в ней не было хищности. Только... удовлетворение.

— Отлично, — сказал он. — Тогда начнём завтра. А сегодня... сегодня отдохни. Марта покажет тебе комнату. Кири будет твоим... помощником. И гидом, если захочешь осмотреться.

Кири взвизгнул от радости и захлопал в ладоши.

— Ой, здорово! — пискнул он. — Я покажу тебе всё! У нас тут есть сад с поющими цветами! И озеро, в котором плавают рыбы с тремя глазами! И... и...

— Кири, — прервал его Корнелиус, но без строгости. — Не пугай девушку. Сначала покажи ей комнату. И дай ей поспать. Завтра у неё будет много нового.

Кири надулся, но кивнул.

— Ладно, ладно. Комната. Спать. Понятно.

Он спрыгнул со скамьи и потянул меня за руку.

— Пойдём, пойдём! У меня тут есть одна комнатка на втором этаже, она как раз пустая! Марта, можно её новенькой?

Марта, которая всё это время стояла молча, её паучьи ноги тихо перебирали, улыбнулась и кивнула.

— Конечно, малыш. Конечно.

Она наклонилась ко мне и тихо сказала:

— Ты молодец, девочка. Ты справишься. А если что... я всегда здесь.

Её аура окутала меня на мгновение, тёплая, как материнские объятия, и я почувствовала, как часть моего напряжения отпускает.

Лестница скрипела под ногами, когда мы поднимались на второй этаж. Кири бежал впереди, его короткие ножки быстро перебирали, а хвост, который я раньше не замечала, весело покачивался из стороны в сторону.

— Вот тут кухня! — тараторил он, указывая на дверь слева. — Тут Марта готовит! У неё лучший рагу в мире падших! А тут... тут комната для гостей! А вот тут...

Он остановился перед дверью в конце коридора и торжественно распахнул её.

— Вот! Твоё новое гнездо! Ну, не гнездо, конечно, комната. Но ты понимаешь!

Я вошла, огляделась. Комната оказалась маленькой, но уютной. Кровать с мягким тюфяком, застеленным белым

льняным покрывалом. Окно, занавешенное простой льняной шторой, за которым виднелся какой-то странный сад с растениями, которые светились в темноте. Небольшой стол с кувшином воды и глиняной чашкой. На стене — деревянная полка с книгами.

Пахло лавандой и старым деревом. И чем-то ещё... чем-то, что напоминало мне дом. Настоящий дом.

— Вот! — торжественно объявил Кири. — Тут всё для тебя! Кровать мягкая! Вода чистая! А книги... ну, книги тут старые, но интересные!

Я подошла к окну и раздвинула штору. Сад за окном был странным. Цветы светились мягким голубым светом, как будто внутри них горели маленькие огоньки. Деревья были чёрными, но их листья переливались серебряным. И всё это было погружено в вечный сумрак, потому что в мире падших не было ни дня, ни ночи. Только вечные сумерки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.